

«УТВЕРЖДАЮ»

Проректор – начальник Управления
научной политики ФГБОУ ВО
«Московский государственный
университет имени М.В. Ломоносова»,

доктор физико-математических наук,
профессор А.А. Федягин

В.А. Федягин
2024 г.

ОТЗЫВ ВЕДУЩЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» на диссертацию Матвеевой Анны Геннадьевны «Эволюция системы власти Германской империи в 1890–1914 гг.», представленную на соискание ученой степени доктора исторических наук по научной специальности 5.6.2 – Всеобщая история

Диссертация А.Г. Матвеевой посвящена одному из самых важных и вместе с тем неоднозначных периодов германской истории – эпохе Вильгельма II, которая при всей своей изученности продолжает оставаться предметом оживленных историографических дискуссий и самых разных, часто противоположных оценок. Уже с первых строк становится очевидным, что диссидентка вполне разделяет современные подходы к истории Германской империи, а именно – отказывается от всякой телеологии, от типичного прежде взгляда на нее из перспективы последующих событий (краха Веймарской республики, прихода к власти нацистов) или, говоря собственным языком автора, отказывается от

подхода, когда «Германская империя не столько исследуется, сколько предстает перед судом» (с. 17). В качестве предмета своего исследования Анна Геннадьевна выбирает именно то поле, которое, без сомнения, является самым дискуссионным даже для этой непростой эпохи, – внутриполитическое развитие империи. Такие проблемы, как «особый путь» Германии, «личное правление» Вильгельма II, германские федерализм и парламентаризм, роль Пруссии и др., неоднократно становились объектом специальных исследований – и тем не менее остаются предметом научной полемики, в которую докторантка очень активно включается.

С формулировкой целей исследования, на первый взгляд, связана некоторая неясность: если предметом диссертации является «эволюция политического режима Германской империи в период вильгельминизма», то каким образом, коль скоро империя уже существовала, этот же период рассматривается в качестве времени ее «формирования», «конституирования» (с. 6), изучение которых заявлено в качестве цели? По-видимому, как можно заключить из основной части диссертации, речь идет о важном для автора тезисе превращения Германии из «номинальной» в «подлинную» империю (с. 677–678), то есть о ее внутренней консолидации, с одной стороны, и переходе к активной колониальной политике – с другой. С помощью семи конкретных исследовательских задач А.Г. Матвеева очерчивает себе далее чрезвычайно широкое поле деятельности, от внутриполитической стратегии и конституционных начал Германии и Пруссии до рабочего движения и «мировой политики».

Применительно к теоретическим основам диссертации автор говорит об использовании «практически всего методологического арсенала современной исторической науки» (с. 8). Здесь, вероятно, имеет место элементарная описка – речь идет не о методологическом, а о методическом инструментарии. Ни в коем случае не в порядке критики, а лишь в качестве

пожелания – и имея в виду рассуждения автора о характере Германской империи и ее спорадические сравнения с Францией и Англией – можно было бы для будущего обратиться также к подходам современного «имперского поворота».

Историография проблемы, учитывая ее масштабы и многоплановость, настолько обширна и неохватна, что практически исключает саму возможность указания на какие-то пробелы. Использованные в диссертации без малого три сотни работ позволили А.Г. Матвеевой глубоко проникнуть в текущую проблематику исследований. Речь идет как о множестве отдельных тем и сюжетов, так и о больших проблемах, остающихся предметом научных дискуссий, – таких, как «особый путь» Германии (полемика Г.-У. Велера и Т. Ниппердея) и «личное правление» Вильгельма II (Э. Эйк и др.). Принципиально важным с точки зрения тематики диссертации является привлечение фундаментального труда ведущего специалиста по конституционной истории Германии Э.Р. Хубера. Обширный блок историографии посвящен Социал-демократической партии Германии. Здесь в качестве пожелания и с учетом содержащихся в диссертации оценок можно было бы посоветовать привлечь две работы, получившие в свое время наиболее широкий отклик у специалистов, – книгу Д. Гро с его тезисом о «негативной интеграции» и монографию В. Крузе с новой интерпретацией политики СДПГ на пороге Первой мировой войны.

В качестве своего основного источника А.Г. Матвеева выделяет архивные документы – донесения российских дипломатов из Германии (с. 62), и действительно – на всем протяжении диссертации они, безусловно, доминируют. С подобным подходом сопряжен целый ряд достоинств диссертации. Прежде всего, введение в научный оборот неиспользованных источников является очевидным показателем новизны и самостоятельности – важными квалификационными критериями для докторских диссертаций.

При том что дипломатические документы для анализа внутриполитических событий широко использовались и в прошлом, с методической точки зрения новизна заключается в системности их применения – как уже указывалось, именно донесения русских дипломатических агентов действительно фигурируют в качестве главного источника практически по всем внутриполитическим сюжетам диссертации. Наконец, в ряде частных вопросов сам специфический «взгляд со стороны», как и те источники информации, на которые опирались дипломаты, оказывался способным выявить некоторые нюансы и детали, не попадающие в поле зрения при использовании классического круга источников для исследований подобной тематики.

Вместе с тем очевидно, что подобный «взгляд извне» едва ли способен показать внутренние процессы и механизмы эволюции политической системы Германии. Понимая это, автор прибегает и к целому ряду других видов источников – юридических, парламентских, публицистике и печати, источникам личного происхождения. Имея в виду то особое место, которое в проблематике и самой структуре диссертации занимает СДПГ (только ей из всех германских партий посвящена особая исследовательская задача, выделен и отдельный касающийся ее параграф), а также полемический характер выводов автора, возможно, следовало бы укрепить источниковую базу за счет более широкого привлечения партийных документов, в частности, протоколов съездов.

Открывающие первую главу «Система государственной власти в Германии и основные этапы ее трансформации в 1890–1914 гг.» два параграфа посвящены тщательнейшему разбору двух конституций – прусской 1850 г. и германской 1871 г. Такая подробность совершенно правомерна, поскольку, как справедливо указывает автор (с. 87–89), речь идет об исключительно сложных и противоречивых актах, по сей день встречающих разные трактовки. Нельзя не отметить и интересный подход

– анализировать конституции не только как таковые, но и «с точки зрения того, чему ее творцами и “заказчиками” было уделено / не уделено внимание» (с. 102). Детально изучив правовые позиции всех четырех центральных политических инстанций Германии – кайзера, канцлера, бундесрата и рейхстага, – Анна Геннадьевна сделала ряд бесспорных выводов, в частности, о том, что политическая система представляла собой сочетание монархического, парламентского, демократического и федеративного принципов (с. 122). Вместе с тем некоторые суждения еще раз показывают, насколько сложной и запутанной являлась государственно-правовая система Германии, что ведет к существенным различиям ее трактовки и в научной литературе. Так, опираясь на одного из авторов и оценивая роль кайзера, диссидентка полагает, что «только он обладает суверенитетом (в отличие от западноевропейских конституций того же периода, которые исходили из принципа народного суверенитета)» (с. 115–116). Однако подобное едва ли однозначно можно утверждать, например, в отношении итальянского Альбертинского статута, а главное, как указывает и более старая (Э. Хубер), и современная (Т. Остерманн) литература, носителем суверенитета в Германской империи был не кайзер, а бундесрат, куда входили субъекты империи, поскольку с формально-юридической точки зрения она представляла собой союз монархов.

Являясь по-настоящему увлекательными, два следующих параграфа, посвященные «политико-психологическому портрету Вильгельма II» и обстоятельствам отставки Бисмарка, ставят целый ряд важных и нередко дискуссионных проблем. Наряду с любопытными оценками Вильгельма II («при всей психопатической составляющей его личности сумасшедшим, конечно же, не был», с. 136), А.Г. Матвеева подвергает серьезному анализу и взгляды этой ключевой политической фигуры. Касаясь мотивов, побудивших кайзера отправить Бисмарка в отставку, диссидентка пишет: «...основной ее причиной... была психология... Отправляя в отставку

канцлера, он хотел обрести свободу» (с. 166). Вместе с тем Анна Геннадьевна, конечно же, не ограничивается подобным монокаузальным объяснением и предлагает ряд других, особенно подробно останавливаясь на нарастании в руководстве Германии русофобских тенденций, для которых Бисмарк оказался препятствием.

Чрезвычайно обширный (свыше 100 страниц) пятый параграф представляет очерк всего внутриполитического развития Германской империи с 1890 по 1914 гг., показанного через призму деятельности сменявших друг друга четырех канцлеров. Уже здесь затрагиваются едва ли не все внутриполитические события, которые будут трактоваться и в двух оставшихся главах диссертации, что создает известную трудность для автора, вынужденного прилагать все усилия, чтобы, по больше части успешно, минимизировать повторы. Главное же заключается в том, что именно в этом параграфе заявляются и получают развернутое обоснование те основные положения и научные гипотезы, которые с полным правом можно назвать несущими конструкциями диссертации.

Одной из них является оригинальная трактовка «мировой политики» в качестве «национальной идеи». Справедливо отмечая, что важнейшей задачей недавно объединенной страны была внутренняя интеграция, Анна Геннадьевна утверждает, что с рубежа веков наступает новый ее этап, в ходе которого «сформулированная внешнеполитическая стратегия – “мировая политика” – должна была стать национальной идеей, чтобы превратиться в интегрирующий фактор для всех основных социальных и политических сил» (с. 207, на с. 320 говорится о новой внешнеполитической стратегии, выработанной Вильгельмом II и его ближайшими сотрудниками, которая, обретя характер национальной идеи, получила название «мировой политики»).

К этому тезису может быть поставлено много вопросов. Почему, например, в ранг нового этапа развития «национальной идеи» возводится

именно «мировая политика», а не что-то из других популярных в обществе тезисов, скажем, пангерманизм или, что важнее, не единодушно фиксируемое исследователями изменение с рубежа веков самого понимания немецкой нации, произошедшее под влиянием расистской фёлькишской идеологии и деятельности массовых агитационных союзов? Связь «мировой политики» с внутренними задачами, в том числе консолидацией общества, отмечается уже давно, причем не только историками, но и современниками – достаточно вспомнить слова одного из ее творцов, адмирала А. Тирпица, что «в новой великой национальной задаче... содержится сильный паллиатив против образованных и необразованных социал-демократов». Но насколько доказательно можно говорить о том, что кайзер и его окружение целенаправленно придавали своей новой внешнеполитической стратегии смысл и значение именно «национальной идеи»? Список подобных вопросов можно продолжать, однако ни один из них не дезавуирует заявленную диссертанткой постановку проблемы. Более того, следует со всей настоятельностью подчеркнуть, что именно способность иначе взглянуть на хорошо известный исторический материал, именно такого рода научные гипотезы, при условии их доказательности, служат производству нового знания, то есть соответствуют уровню докторской диссертации самым полным образом.

Вторая глава диссертации «Традиционные властные структуры Германии и их трансформация в период вильгельминизма» открывается параграфом о роли Пруссии в политической структуре Германской империи. Его общий характер и выводы, по сути, уже были предвосхищены материалом предыдущей главы, в частности, объяснением сохранения особого положения Пруссии, ее ролью опоры монархии Гогенцоллернов (с. 271). Однако теперь прусская тема дополняется рядом новых сюжетов и интересных оценок, например, не так часто встречающейся в литературе

историей проекта Среднегерманского канала, на примере которого автор приходит к справедливым выводам о столкновении амбициозных целей кайзера и новых элит с интересами традиционного прусского юнкерства (с. 292): «...будучи “опорой трона”, они делали все, чтобы трон не мог на них опереться» (с. 318).

«Прусская» тема получает продолжение и в следующем параграфе, но на этот раз в центре оказываются противоречия вокруг таможенных тарифов, а также деятельность массовой организации – Союза сельских хозяев. Давая в целом верные оценки разнообразным высказываниям его представителей, А.Г. Матвеева иногда допускает их чрезмерно расширительное толкование. Так, во фразе о том, что «от зернового производства зависит, выстоит или рухнет немецкое сельское хозяйство, а от сельского хозяйства зависит, выстоит или рухнет Германская империя», она видит выражение «перманентного кризиса Германской империи периода вильгельминизма» и даже связь с фёлькишской идеологией (с. 354), влияние которой на деятельность Союза сельских хозяев, безусловно, имело место, но в этой фразе ощущается едва ли.

Содержательное ядро третьего параграфа – проблема «личного правления» Вильгельма II, степени его влияния на политику и пределов власти, много десятилетий являющаяся предметом дискуссий в историографии. Анализируя разнообразные скандалы, связанные с персоной монарха, и неоднократно обращаясь к этой проблеме впоследствии, Анна Геннадьевна встает на сторону противников тезиса о «личном правлении», в конечном итоге резюмируя свою позицию следующим образом: «Термин “личный режим” предполагает определенную узурпацию власти, лишение иных властных институтов их прерогатив, отмену, полностью или частично, действия конституции, ее корректировку и т.д., то есть “личный” сродни режиму авторитарному. Ни одного из этих “новшеств” в истории Германии 1890–1914 или 1890–1909

гг. нами обнаружено не было» (с. 672). Следует отметить, что столь радикальных значений в понятие «личный режим» сторонники этого тезиса и не вкладывали, имея в виду, скорее, не правовые и институциональные, а неформальные рычаги влияния кайзера, в частности, кадровую политику, как об этом, впрочем, пишет и сама докторантка: «Именно эти принципы кадровой политики легли в основу принятого в историографии определения режима правления Вильгельма II как личного или “персонального”» (с. 254). Также А.Г. Матвеева верно отмечает, что «император являлся главным “инициативным центром”, хотя Каприви, Бюлов или Гогенлоэ имели возможности проявлять самостоятельность... Тем самым для современников было очевидно, что центральную роль во всей системе власти играл император» (с. 406). Вместе с тем в докторской убедительно, с выделением определенных этапов показано, что влияние кайзера на политическую жизнь постепенно снижалось. В целом, несмотря на явную приверженность к лагерю критиков тезиса «персонального правления», у А.Г. Матвеева получилась вполне плюралистическая картина властных функций Вильгельма II.

Хотелось бы отметить, что использование докторанткой в роли основного источника российских дипломатических документов в ряде случаев приносит интересные плоды, в частности, что касается аналитики, экспертных оценок. В качестве примера можно привести анализ причин неожиданной для многих отставки начальника Генерального штаба А. Вальдерзее (с. 395).

Третья глава докторской «Изменение роли политических институтов и эволюция имперской модели Германии рубежа XIX–XX вв.» посвящена рассмотрению партийно-политической системы Германии и роли рейхстага. Подробно описывая всевозраставшие трудности, с которыми сталкивались канцлеры при создании парламентских опор, А.Г. Матвеева показывает тем самым постепенно усилившуюся самостоятельность

рейхстага и действовавших в нем партий. Особенное внимание автора приковано к Социал-демократической партии Германии, в отношении которой выставляется тезис, что новая национальная задача, «мировая политика», была принята наиболее крупной социальной группой – пролетариатом (с. 613) и СДПГ (с. 622). В порядке научной дискуссии хотелось бы отметить, что это методически чрезвычайно сложная проблема, которая, как представляется, нуждается в весьма обширной доказательной базе. Свой тезис, что «немецкие социал-демократы были прежде всего немцами», автор доказывает на примере антирусских высказываний их лидеров (с. 622–623). Однако здесь речь идет о специфической составляющей собственно социал-демократической идеологии, восходящей к Марксу и в целом к идейному миру левых и либеральных движений XIX в. с их топосом борьбы против «русского деспотизма», что хорошо показано в литературе (см., например, книгу Б. Наардена). В какой степени подобный идеологически ограниченный патриотизм правомерно экстраполировать на готовность рабочих и социал-демократов поддержать «мировую политику»? Факты говорят скорее об обратном: в 1889 г. Бебель высказался в рейхстаге против колониальной политики в Восточной Африке, в 1899 г. социал-демократическая фракция голосовала против покупки Каролинских и Марианских островов, а в 1904 г. она воздержалась при голосовании за кредиты для подавления восстания гереро и готтентотов в Юго-Западной Африке – и именно подобная антиколониалистская позиция стоила ей фактически проигранных «готтентотских выборов» 1907 г.

В своих оценках отношения германских социал-демократов к колониализму автор вновь использует в качестве источника донесения российских послов, в частности, касательно Штутгартского конгресса II Интернационала 1907 г. и последовавшего за ним партийного съезда в Эссене. Однако как раз в данном случае более релевантными

представляются внутренние документы – протоколы съездов и конгрессов, публицистика, переписка лидеров (например, полемика между Э. Бернштейном и К. Каутским о допустимости «социалистического» колониализма), из которых следовала бы гораздо более плюралистичная картина, едва ли допускающая категорические оценки. Действительно, по мере роста влияния ревизионистов ряды сторонников гипотетической – «правильной», «социалистической» – колониальной политики в СДПГширились, однако фактически осуществлявшаяся «капиталистическая колониальная политика», а значит – и «мировая политика», в решениях форумов категорически осуждалась.

Подобное же пожелание – говорить скорее о тенденциях, чем давать жесткие оценки – можно высказать и в отношении другой проблемы. Вновь опираясь на посольские документы, автор приводит результаты одного голосования на Нюрнбергском съезде СДПГ 1908 г. и делает вывод: «Эта дискуссия, несмотря на победу, одержанную радикальными сторонниками А. Бебеля, по-прежнему выступавшими за “неподдержку” правительства... выявила тенденцию, становящуюся ведущей. Ее можно охарактеризовать как “огосударствление” немецкой социал-демократии» (с. 647). Между тем, согласно протоколам съезда, главным аргументом в выступлении Бебеля, который, конечно же, не принадлежал к радикальному крылу, а занимал центристские позиции, был следующий: «Мы – принципиальные противники нынешнего государственного и общественного устройства... Вся наша деятельность направлена на низвержение существующего государственного и общественного порядка». Иными словами этот пример, особенно учитывая результаты разгромного для южногерманских ревизионистов голосования, едва ли в действительности может служить доказательством «огосударствления», однако это не значит, что исследовательница неправа в принципе и подобных тенденций – усталости СДПГ от вечной оппозиции, изолированности – не существовало. К тому

же в выводах А.Г. Матвеева несколько более сдержанна в оценках, отмечая «огосударствление» не как факт, а как «процесс трансформации партии и включения ее в общеимперскую социально-политическую систему» (с. 658).

Несомненным достоинством диссертации, как отмечалось выше, является ее полемичность, в том числе в формулировках, часто буквально приглашающая к дискуссии. Отвечая на это приглашение, хочется высказать несколько соображений, касающихся ряда тезисов автора о политических процессах в Германской империи.

Анна Геннадьевна справедливо полагает, что возраставшая роль прессы и политизация общественного мнения были принципиально важными процессами, но возможно ли на основании того, что «осведомленность общественности становится фактором политической жизни», делать вывод о том, что «начинается еще очень неявный кризис существующей системы» (с. 401)? Действительно, роль рейхстага, его стремление влиять на политические процессы в начале века постепенно росли, и докторантка хорошо показала это на материале ряда внутриполитических кризисов, когда критика, которой в ходе этих кризисов подвергались в рейхстаге канцлер и сам кайзер, была абсолютно беспрецедентной и непредставимой ранее. Но дает ли это основание говорить о том, что парламент «становился реальным центром власти и центром принятия решений» (с. 262) и даже «основным центром власти» (с. 270), если учитывать, что никаких рычагов влияния на исполнительную власть он, по существу, по-прежнему не имел и прямых политических решений не принимал? Представляется, что в подобных случаях речь идет как раз о полемических преувеличениях, поскольку Анна Геннадьевна, как уже отмечалось выше, глубоко и эмоционально погружена в весьма бурные историографические дискуссии касательно этой эпохи. Более приемлемыми и точными кажутся иные ее формулировки – например, о

«росте влияния и значения представительских властных институтов, прежде всего парламентских партий и рейхстага» (с. 549), об «общей тенденции постепенного роста значимости рейхстага» (с. 584).

Более конкретными являются следующие три замечания.

Во-первых, едва ли возможно согласиться с характеристиками рейхстага вдовильгельмовский период лишь как простой «дискуссионной площадки» (с. 7), «коммуникативной площадки» (с. 675), к которым автор прибегает, чтобы подчеркнуть возрастание его значения в начале XX в. В действительности рейхстаг с его законодательными функциями и прежде являлся важным элементом политического устройства Германской империи, о степени влияния которого свидетельствуют, например, его вынужденные распуска в 1878 и 1887 гг., тяжелое прохождение ряда репрессивных законов, планы Бисмарка по отмене всеобщего избирательного права и проч.

Во-вторых, тезис автора о полной поддержке социал-демократами «мировой политики» в качестве национальной идеи, о том, что они «сделали ее своей» (с. 653), представляется преувеличением и нуждается в широких и серьезных доказательствах. Довод А.Г. Матвеевой, что рабочие участвовали во Флотском союзе, также требует дополнительных обоснований, учитывая скорее противоположное мнение в историографии, в том числе в недавней диссертации Е.В. Киктевой, и факты использования этой националистической организации, тесно связанной с Имперским морским ведомством, в борьбе против СДПГ и рабочего движения.

В-третьих, утверждение автора, что «партийная система Германии состояла из четырех основных сил» (с. 661), требует более развернутой аргументации перед лицом единодушного мнения в историографии, что таковая представляла собой систему пяти партий.

Безусловным достоинством диссертации является умение автора не только вести полемику, но и не дать себя ею увлечь, вовремя остановиться.

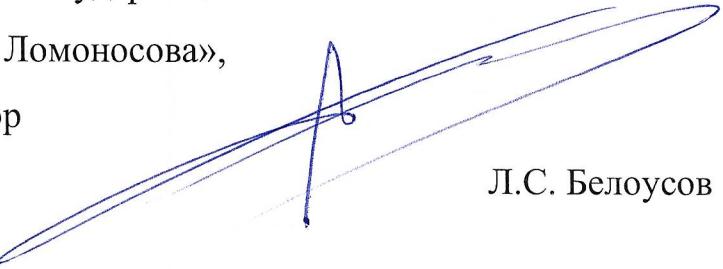
Так, посвятив немало страниц убеждению читателя, что в Германии имела место тенденция к фактической ответственности канцлера перед парламентом, А.Г. Матвеева все же приходит к заключению о том, что этой тенденции не удалось «институционализироваться и изменить политическую систему Германии с монархо-конституционной на конституционно-монархическую, а тем более парламентскую» (с. 665). Особенно это умение проявляется в заключении и еще больше – в положениях, выносимых на защиту. Оставив всю полемику тексту диссертации, Анна Геннадьевна делает гораздо более взвешенные выводы практически по всем вопросам, дискуссионность которых отмечалась выше. Показательно, например, что социал-демократы и их отношение к «мировой политике» не попали в положения вовсе.

В целом диссертация А.Г. Матвеевой представляет собой оригинальное, самостоятельное, местами полемически заостренное исследование, общую положительную оценку которого не снижают высказанные здесь в порядке научной дискуссии замечания и соображения. Она соответствует паспорту научной специальности 5.6.2 – Всеобщая история, отвечает требованиям пунктов 9–14 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации № 842 от 24 сентября 2013 г., предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени доктора наук, а ее автор заслуживает присуждения ученой степени доктора исторических наук по научной специальности 5.6.2 – Всеобщая история.

Отзыв составлен доктором исторических наук, доцентом кафедры новой и новейшей истории исторического факультета ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» Медяковым Александром Сергеевичем (специальность 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования). Отзыв заслушан, обсужден и единогласно утвержден на заседании кафедры

новой и новейшей истории исторического факультета ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 3 сентября 2024 г. Присутствовало на заседании 33 человека. Результаты голосования: «за» – 33, «против» – нет, воздержавшихся – нет. Протокол № 1 от 3 сентября 2024 г.

Заведующий кафедрой
новой и новейшей истории,
исполняющий обязанности декана
исторического факультета
ФГБОУ ВО «Московский государственный
университет имени М.В. Ломоносова»,
академик РАО, профессор

Л.С. Белоусов

Сведения о ведущей организации:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» (ФГБОУ ВО «МГУ имени М.В. Ломоносова»)

119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, д. 1

Телефон: +7 (495) 939-10-00

Факс: +7 (495) 939-01-26

Адрес официального сайта в сети Интернет: <http://www.msu.ru>

E-mail: info@rector.msu.ru

